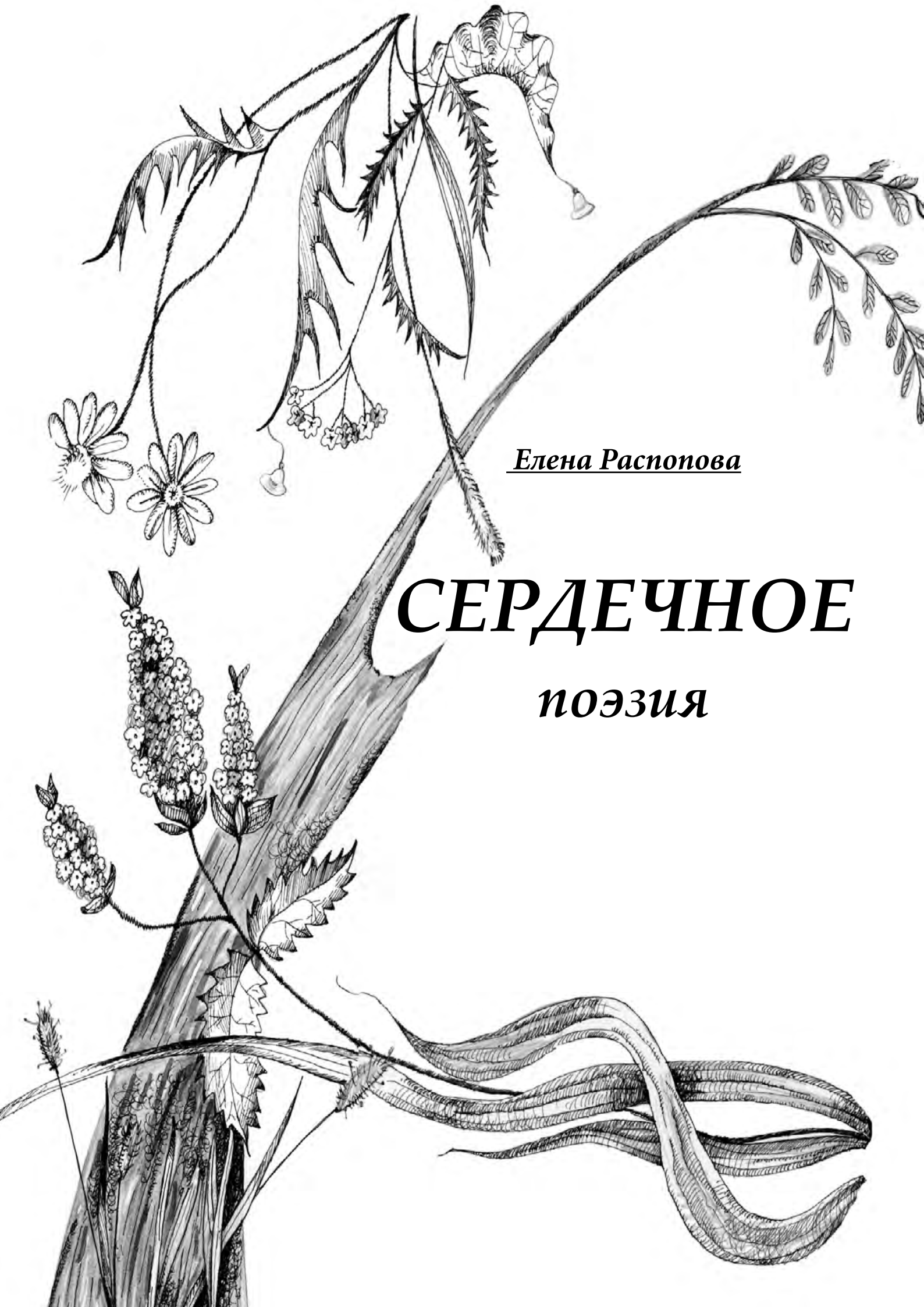
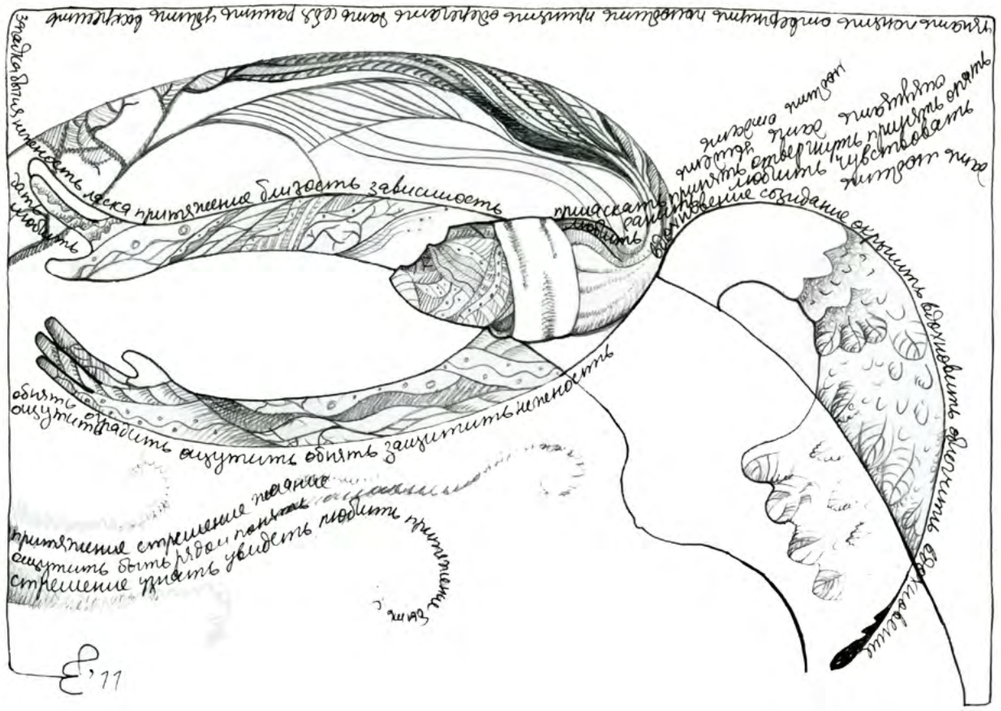


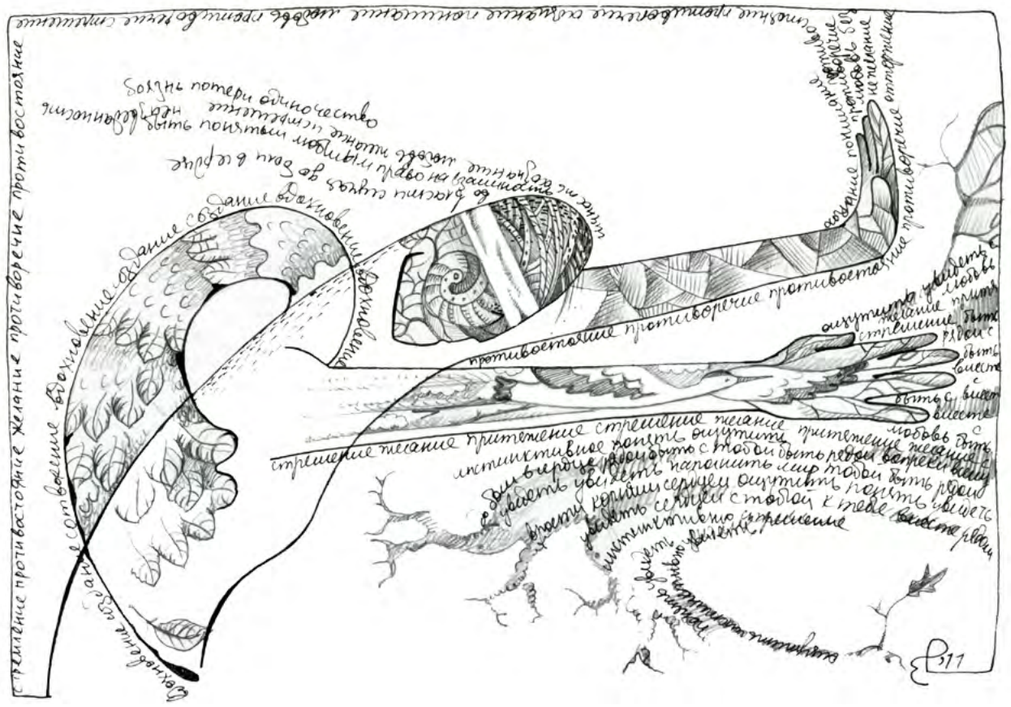
Елена Распопова

СЕРДЕЧНОЕ

поэзия

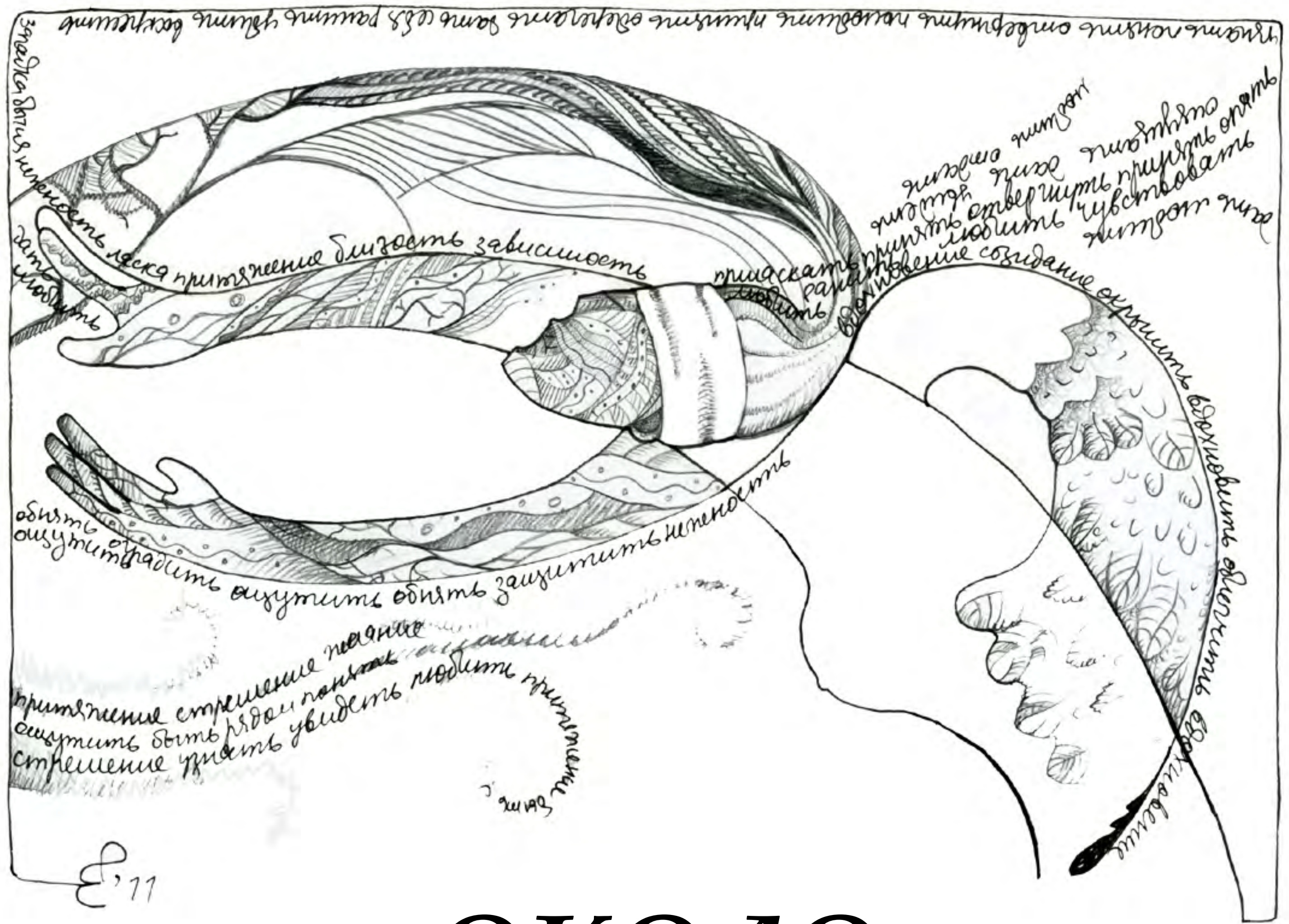
Елена Распопова





СЕРДЕЧНОЕ

поэзия



ОКОЛО ПОЭЗИИ

Летнее тепло

Тяну за передник – выпадают, катятся за горизонты сочные и краснобокие.
Падают в сочную траву. Пытаюсь ее схватить за пятку.
«Я ждала тебя столько длинных трав, я истоптала столько песчинок!»
Глядятся в вышину без смысла и желаний, откинутые с ветвей плоды,
И прикрываясь желтыми листами,
Послушно ложатся под ступни уходящего лета.

***

Тяну за передник – выпадают, катятся за горизонты сочные и краснобокие.
Гладятся в вышину без смысла и желаний, прикрываясь желтыми листами,
Послушно ложатся под ступни уходящего тепла.
Падаю в щекотную и длинностеблую, пытаюсь схватить за пятку.
Оно восторженно по - детски подпрыгивает!
Вдруг оглянувшись на меня понимающим тяжелым взглядом,
Устало опускается на корни у входа в дерево.
И вот теперь оно сидит в моем уютном кресле
И лениво подсчитывает дни календаря, отрывает листок за листком.
А потом, нагостившись до зевоты, не прощаясь, спешит домой,
Спотыкается о корни у входа;
И от стука двери, листья начинают щекотать ветви дома.

Про хмары и хмарочосы

Хмарочосы чешут хмарам брюшки.
Хмарам это нравится и они нарочно летят низко над землей, чтоб почесать свои бочки и пузики.
Хмарочосам нравится как мурлычут хмарки. Поэтому он растут выше и выше, чтобы хмарам не приходилось так низко лететь над землей, чтобы почесать свои бочки и пузики.

***

Солнце слюнявит леденец зимы.
Ох, как же сладко ему покусывается язычек!
Случайная слюнка сиропно стекает по оголодавшимся за птичьей трескотне крышам,
Блестит в куделях ветвей, обтекает силуэт, торчащего из-за снеговой кучи памятника и неохотно втекает в серую корку снега.

* * *

Ангелом брести устало черствыми улицами тишины ночной
Чтоб принести на плечах сложенными крыльями
Заботы омертвевшего дня (он листом осины уже погрузился в грязь)

Эй! Что же ты за ангел?... Твой карнавальный костюмчик никак слегка поистрепался?
Хотя ты прав – из года - в век протискиваться среди прохожих,
Еще более далеких ближних…

Постой! А что, крылья у тебя снимаются? Они не настоящие?
Может и груз на плечах твоих надуман от скуки и тоски
По настоящей жизни…

***

Весна начиналась вяло и серо;
Упрямо не приходило тепло.
А я стояла на перекрестке,
И старые дома не хотели опознать во мне меня.

Смотрю в отраженьях витрин и машин –
Вижу только взгляд карий.
Тяжело быть сильной,
Тяжело упрямо стоять на перекрестке
И ждать…
Ждать весну

***

Нет, теперь я точно знаю, что земля плоская и маленькая, во всяком случаи не такая уж большая и не совсем без краев, как мне казалось.
Рассудите сами, какая же она большая, когда везде люди такие же как и у меня дома: плохие и сердечные, смешные, пьяные и сдержанно-трезвые.
Так же похожи улицы, такой же вид из окна вагона. Все новое, что так манит своей новью, то к чему не успел привыкнуть, оно оказывается не таким уж новым, ведь в нем родимом распознаются запахи, голоса, движения и оттенки того, что в два счета оставил за железной полосой пованивающей бензином.

Да разве земля – круглая? Ведь в ней есть края. Это знают все, кого тянет в иные горизонты.
Бывает, и идешь, да что там идешь! – едешь, и взгляд мимолетом, мимоходом или мимоедом останавливается на красивом пейзаже: бесконечное поле, а вдали подернутый туманцем силуэт леса, и в нем тонет последний солнечный лучик. И задумываешься: а ТАМ что? Ведь так, кажется, можешь идти, идти, выйти из леса, а там только синева неба, белые облака и стаи птиц – везде – над тобой, под тобой и вдали. И все… Пришли. Точка. Ничего нет больше. Край земли.
Разве не для этого ты постоянно где-то: идешь, едешь? Разве не для этого, чтобы увидеть, что скрывается вон за тем горизонтом, и чтобы в новом и неизведанном опознать родную березу, знакомый поворот улицы, складку, взгляд, запах?

***

Солнышко не уставало мчаться за нами. Поля леса – а оно не спотыкается – все машет лучиками, мол, здесь я, жизнь прекрасна!
Наверное, оно привязано невидимой ниточкой, такой длинной-длинной, за краешек моего вагона. Мохнато-солнечное бежит за мной, улыбается, а подплыть поближе у него не выходит – силенок не хватает, ведь оно такое махонькое.
Вот так порой бывает с людьми. Они связаны друг с дружкой такой же тоненькой ниточкой, и все так же чего-то не хватает…

Яблоко не боится падать

Яблоко не боится падать…
Оно цветет, отдавая себя голубоглазому небу, ведь они так красиво смотрятся.
Оно спеет, отдавая себя ясноглазому солнцу, ведь оно так великодушно.
Но достается вся его любовь земле.
И когда оно весело на крепких ветвях, оно мечтало оторваться от ветки
И совершить головокружительный полет к звездам,
Которые каждое утро манят яблоко вниз.

***

Яблоко не боится падать…
И, отрываясь от ветки, оно отдает все себя вязкой изумрудной бездне.
Но звезды оказываются каплями, которые, завидя крутобокую тень, отлетают прочь

Эхом пронеслось в травах падение; но сады все также спали, вдыхая фимиам утренней прохлады. Оно купается в росе, такое красиво-спелое и … одинокое.
Лишь бы оно не затерялось в траве, ведь оно упало, чтобы его нашли теплые руки
И вспомнили обо мне…
Яблоко не боится падать…

Желтый ангел

Шепот множества бубенчиков,
Листва старой медью – глупо под ноги.
Тебя когда-то солнце лучами протыкало насквозь?
Взгляд трепещет язычком звоночка.
За правым ушком золотится изгиб пуха.
Когда звенят бубенцы – ангел где-то близко.
Запутал крылья в воздушных паутинках
(бабье лето позвонило в наши дома)
Повис марионеткой над крышами,
Фаланги ветвей раскачивают звон.
Взгляд следит за ним трепетно,
Листва пухом нежности трепещет высокой ля.
В сердечке – шепот множества бубенчиков.

***

Люби летать, ведь ты еще не вырос.
Стремись, стоя на носках, заглядывать за горизонт.
Гордись детской дружбой.
Держи сердце в протянутых ладонях.
Пока живешь, люби мечтать.

Чудо

Пойди гулять, и на тишину замашут пальчиками бубенцы.
Сомкнутые морщинятся – хочется просто быть, без слов…
Внутри – щекотно, ожидание чуда в самом себе…

Боль от потери вечного чуда,
Радость от того, что чудо проросло в тебе.
Ты растешь вместе с чудом.

Утро

Ты понимаешь, просто небо плыло.
Разлилось клюквенным компотом
И по скатерти туманов – вниз на землю,
Сюда…
А здесь спало все, оно устало говорить,
Устало шелестеть и дышать.
А тут капелька вишенкой по макушечке
Неизвестному летуну – и все проснулось!
Знаешь, так медленно и сладко…
Потянулось и очень тихо обрадовало глаз –
Утро…

Усталость

Когда не надо, взгляд полощет небо,
Прилипает к фигурам, складкам, овалам, живым точкам глаз.
Устала…
Даже устала думать о том, что устала.
Без устали только мысли…
Морщины углов щекочут нутро – люблю город.
Вывески хватают за ресницы, и в зрачках номера машин.
Сейчас у меня есть только глаза и пара стоптанных и уставших.
Устала…
Даже устала думать о тебе.
Без устали только мысли…не о тебе ли?

Утро

Время еще не привязано к стрелкам,
Тестом глухоты выползает из кадки,

Сладко заполняет углы.
Ветерок растопырил его шелковые шнурочки.
Вот бы поймать детской ладошкой
И воздушным змеем – полями за горизонты.

***

Удивительно как оно бывает: то ничего, то сразу много.
… добра, зла, слез, света, боли…
А сердце еще мало – космические перегрузки противопоказаны.
Оно забилось под мягкую подушку,
Укрылось волохатым пледом,
В ногах – рыжый муркотун.
А в изголовье – барашек-масеньке копытце.
И только огромным удивленным взглядом смотрит моими глазами.
Удивительно, как оно бывает…

Птица

Идти, бежать – а все равно он выше,
Плывет над нами бумажным змеем.
А мы для него – совсем маленькие – он Птица!
Вообрази: целый народ с одной фамилией!
Птица…
А когда шли протоптанной – в подарок перышко –
Идеал изгибов, формы – очень мило.
Глянули – сразу узнали, что за птица.
Вот так хотелось, чтоб и о тебе подумали.

Молчанье

Молчанье хрусталем разобьется о губы,
Осколки – в траву.
Об них будут спотыкаться кузнечики в травах.
Травы – волосы, пряди, кудри –
Расчешет пятерней граблей ветерок

И дальше – а ну-ка бросаться хрусталем
Об чьи-то сомкнутые.

Между…

Я живу между октябрем и ноябрем,
Где-то на границе между «можно» и «надо».
Еще не облетели все листья с моих ветвей,
А птицы покинули мой рай и подались у Вырий.
Мои пятки еще помнят нежный лоскот травы,
Как по ступням скатывается в зеленую пучину утренняя слезка.
А пальцами ветвей я уже дергаю за паутинки улетающее тепло,
И в лицо – боль зимы.
Я живу между октябрем и ноябрем,
Я где-то живу между «да» и «нет».
Я где-то живу…
Я где-то…

Весна

Ее ждали… Нет, не так…
Вырывали из век сердце,
Чтоб забыть о ней,
А когда – вдруг, то зачем?

О радости

Радость вползает, почти шепчет, запахом сдобы.
И я, засунув упругую, еще теплую булку,
Между шарнирами времени, отдышавшись, спокойно
Иду вдыхать радость.

О точке

…и тут точка…
Надо всегда вовремя ее ставить, иначе будет конец предложения.
А так – точка, и концы в воду…

Если наша жизнь – роман, а дни – предложения, слова и абзацы,
То без точки не обойтись.
Иногда недосказанность лучше.
Здесь без точки не обойтись.
Вот только б знать где ее ставить...
И тут точка.

О встрече со стихами

Стихи возвращаются, как дети в отчий дом.
Украдкой постучат в сердце,
постоят несмело у порога.
А я их ждала,
конечно же, я всегда тайком от себя верила –
я нужна им.
И вот:
когда желтый мягкий лист зашуршал
и замурлыкал на тропинке,
и небо так по-домашнему, без праздничной лазури на переднике,
заглянуло в мое окно, я выглянула и так глубоко и тихо стала радоваться.
И как дитя малое, подпрыгнула и полетела
собирать в охапку таких своих.

***

Я тобой обречена на заслание в тоску,
На ожидание у подоконника
И на вечную радость держать без устали свое сердце
В протянутой руке.
Я собой обречена…

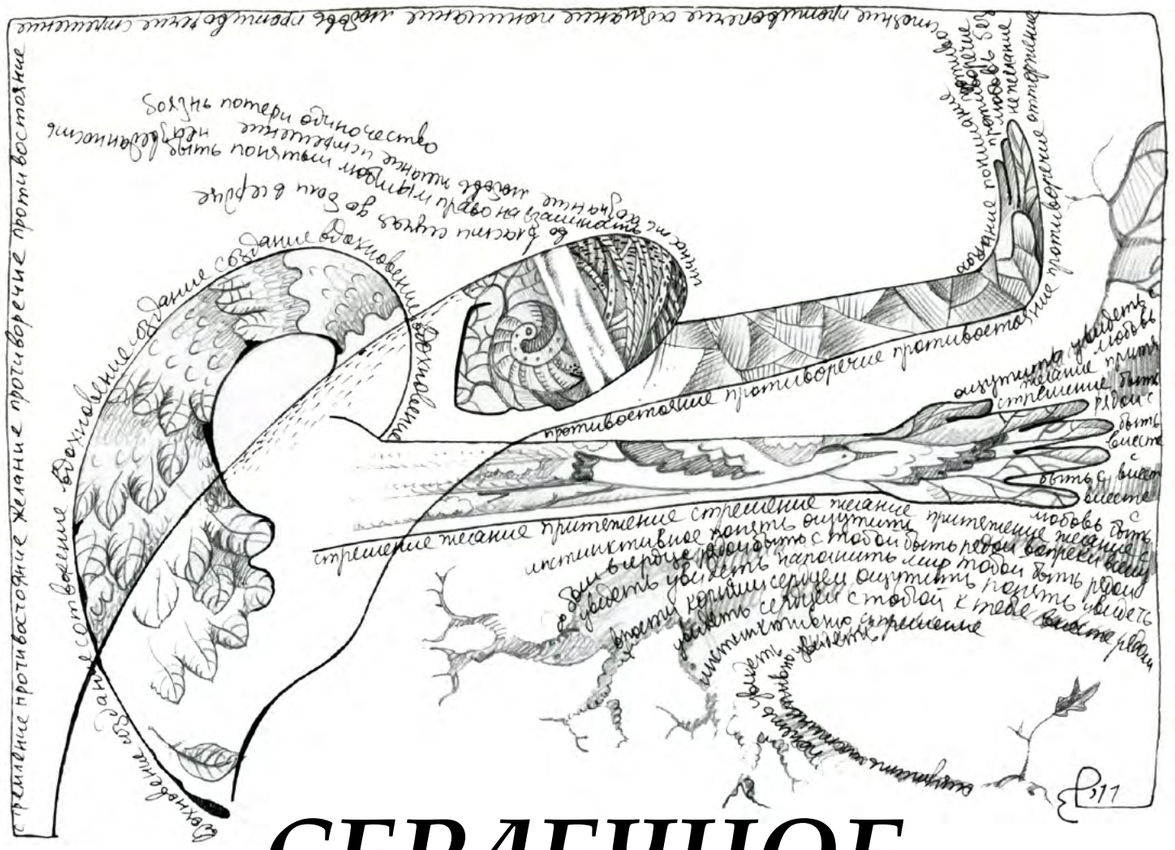
Гастроли

Я еду на гастроли к друзьям, чтоб снова поведать
о своем житии-бытии нелегком, полном троп
нехоженых и обрывов с драконами, и думаю:
у них есть то, что желала самой себе –
нужность кому-то.

Растут дети и фикусы на подоконниках.
А у меня все без перемен – те же тропы да обрывы..
А друзья вот смотрят, дышат на меня пеленками
да пирогами, посербывая в такт сочувствию
житейскому, и хотят пройти хоть по одной моей
тропке и не заблудиться, сразившись с драконом,
невредимым остаться.
Так и езжу по гастролям: под мышкой вязанка троп,
на ниточке дракон да лубочный бестиарий.
А мне нараспашку пеленочно-грызуще-сопящий
и всегда кому-то нужный с большим куском пирога.

***

Шелестит ненужным золотом утомленная листва.
Паволокой занавесит взгляд небес кружевной туман.
Взъерошенный, нечесаный и сонный протянет нити рукавов по сторонам.
И ветерок запутается в его объятьях, притихший, слижет последний теплый день.
Мы все хотим уйти аллеей грустной, где вместо сводов – ветви, в тишину садов.
Там простота житейской мудрости яблоком найдется в травах.



СЕРДЕЧНОЕ

***

От боли время закусило удила –
На миг остановить хочу я пульс…
Своей ступней обрадовать траву,
На ось минут набросить ход событий.

Я говорю с собой, саму себя не слышу –
От шелеста секунд оглохла тишина.
Я так хочу сказать, но голос мой все тише –
Уносит ветер в мглу пропавшие слова.

И не теряя смысл при этом,
Остановить бы бег, замедлить ход событий
И замолчать на миг, как будто навсегда.
Но сердце бьется в такт, торопит пульс…

***

Когда я закатом рухну в мокрый холод,
Мое сердце разобьется на тысячу красных стежков на волнах –
Я пришью к себе стежками навсегда мокрую гладь.
Ты удивляешься: откуда такие фантазии,
Откуда мысли холодно-мокрые?
Тогда давай я пришью к тебе себя стежками красными,
И тогда мое сердце не разобьется о морскую гладь.

***

Судьба теребит ордер на арест
Зло и смело – как страх в зрачках
Думала – карнавал,
Оказалось и за это надо платить.

Была маской, оказалась собой,-
Иногда за гримом бывает лицо.
Быть собой - больно.

***

Влюбиться, чтоб новая рифма на слово «потеря».
Всмотреться, чтоб увидеть затылок.***
Обменять признание на мармеладку
И выкупить доверье за гроши,
И не заметить: оглянулся – ты самый слабый,
И больше не поправишь и не повернешь.

Потом, увидев бездомную собаку,
Не удивишься посылу человечьих глаз.
Ее когда-то купили мармеладкой.
И, может быть, ты на нее похож.

***

Сумасшедшее сердце не боится огня
Сумасшедшая птица ран не боится
Сумасшедшее сердце, обмани и меня
Сумасшедшее сердце не боится огня

***

Собирать понедельники и вторники
И искать чью-то жизнь, где семь пятниц на неделе

***

Кричать вслед уходящему вчера,
Махать ему рукой больной осины,
Схватить его за руку
И обнять за спину,
Догнав, дышать ему в лицо…

***

Пишу себе на память телеграммы,
Срывая на ходу листки с кустов,

Пишу рябиновой я кровью телеграммы,
Чтоб прочитал их кто-то,
Заглядывая мне через плечо.

***

Стихи имеют грустные глаза;
Все настоящее имеет вкус печали.***
Кричи кукушке в ухо,
Чтоб та совсем оглохла,
Чтоб не смогла кукукать тебе любви года.

Беги от сердца к сердцу,
Стучи в глазниц оконца,
Беги за поездами,
Едь с ними в никуда.

***

Твоя душа тонка, как кожица на яблоке –
Прокусишь белыми ядреными румяный бок –
И сок игристыми росами – во все стороны;
Получишь новую потерю –
И птицы сердца испуганные во все стороны.

***

Шелестела листва в опьяненной жаре,
И от неба разило лазурью.
И на миг ей послышалось слово «люблю» -
Шелестела листва на ветру.

***

Перечеркнуть день,
Вычеркнуть из списка живых.
Ссадины – от острых углов,
Синяки – от подножек.

Перечеркнуть день…
Вычеркнуть из списка живых того,
Который вечным мотивом – внутри.

***

Ах, если б жизнь – джаз: быстро, весело, легко.
Ах, если б любовь – кино: чудесно, просто, навсегда.

***

Забыть смотреть под ноги и судорожно, в любой момент – подножка.
В захлеб дышать…
Через глаза и сразу - в небо …
И иногда напоминают, что плывешь по асфальту,
Царапины на коленках.
И страх – в любой момент подножка –
Торопит лететь, плыть, глядеть за горизонт.
Запомни, твержу себе и тычу пальцем в себя напротив,
Жизнь – твой дом, располагайся по удобней,
Но не забудь – вокруг асфальт,
В любой момент – красные царапины.

***

Боязнь утратить сердце…
Ведь при его власти было что-то вроде монархии
(боязнь перемен, пора шороха под ногами и готика многоэтажек).
А оно, лукавое, - хамелеон –
Просто поменяло цвет, просто у него линька…
Сердечная линька…
Внутри перемена власти.
По-моему, это диктатура.
Диктатура сердца.
Не бойся потерять сердце.

***

Голодным взглядом теребить за плечи,
Заглядывать побирушкой в проемы,
Уворачиваться от «воронков» судьбы,
Пропасть без вести подворотнями.
Хотя зачем?
Лучше б они сцапали твое воробьиное и долой…
Дольше б прожила…

***

Цыпки на сердце от мороза мокры красным…

***

Кисти – в кровь,
Зрачки - в сукровице – об холст изранить,
Боль на губах до соли,
И безысходность впаянным мазком.

***

Забыл снять грим…
И главное – не о работе…
Помято сгорбиться под тяжестью имен
Откашлять с сердцем третий звонок.

***

Наотмашь – до мокрых на коже
Кровь – в сердце, и что-то на дне тлеет
Произнести – всадить в себя
Умереть – уйти в себя

***

Сжатие губ, прикосновенье шелеста дождя…
И так значительны все складки на одежде
На войлок нанизать мокрую грусть…

Конец всему; переболеть не значит умереть
А теплоту следов и запах складок – навсегда…

***

Флюгером – сердце,
Внутри мертвый тоннель.
Сердце, забыть бы о тебе!
Демисезонная смена нутра…
Проложить бы свет в тоннеле,
Гаечным ключом затерять его в нем.

***

В упор замочной скважиной буравить,
Коряво карими глядят по сторонам.
А ты упрям.
К чему такие взгляды?
... и умереть на тротуаре,
Отхаркав сердце валунам.

***

Сердце покорно радиоволне –
Реальность в песенке отжившего поэта.
Она затихнет – отключили свет,
А сердце покорно…

***

Отпечаток ступни – желтый с дерева на сером –
След чей-то мимо проходящей судьбы,
Покрученный, аккуратный, совсем прозрачный.

***

Дырой от гвоздя светило,
А думали – солнце.
Когда же было включено,

С кривизной у рта
Запахнулись тенью пушистых.

***

Получить противоядие от боли –
Смело под острие до первых капель.
А за углом сердце предало тебя…
Забыть противоядие…

***

Твое большое сердце воробьиное – огнем в холод.
Ты по-другому как все, отчаянно.
Им – тлеть, по тебе – до красноты в зрачках.

***

Бегу за тобой, а догнать боюсь
Бегу за тобой - боюсь потерять из виду
Тогда натягиваю длинную-длинную нить,
Сажусь и жду.
И ожидание мое такое же длинное-длинное…
***
Умереть от тишины, потому что нет причины слушать…

***

Обрадуй небо – стань птицей!

***

…А недомолвки заплетают в косы недомолвки,
И ловишься на свой душевный отклик тонкий.
И суета плетет из мыслей наших паутину,
И ты как бабочка затянута в любовную трясину.

ЛИРИКА

Поезда

Поезда… Я снова где-то там,
И горизонты манят улыбкой Моны Лизы.
Загадочно смотрю я за «что-там»,-
Ах, въехать бы туда, куда хочу, без визы

Я въеду в город – он только встал, еще в ночной рубашке.
Мой поезд чугунно застучит по позвонкам полос.
И все – я там, где мне назначило свиданье счастье;
Дорожный ветер пусть играет прядями волос!

И так бы целый век, заслышав слово «поезд»,
Хочу глотать глазами дорожные огни,
Собрать рюкзак ,купить билетик,-
Поехать покорять загоризонтные миры.

***

Невеста говорит о женихе…
До боли в горле, до изнеможенья
К груди прижав ладони,
Невеста говорит о женихе.

Протикают часы все циферблаты мира,
Прибьется ворс ковра, протрется подошва,
Но в отражении ее глубоких и больших он так же видит:
Прижав к груди ладони, невеста говорит о женихе.

***

Быть как все – такая малость –
Ценою жизни предлагалась
Быть как и все – какая малость!-
Нам донкихотам ни к чему
Им проще строить нам преграды

И умирать спокойно в них.
Нам проще то, что не под силу.
Ведь наш удел гореть, сгорать,
А их, как не прискорбно, тлеть и умирать

***

Отпечаток ладони на оконном стекле
Говорит о том, что еще не тепло,
И поэтому улицы и то, что на них
Можно видеть в запотевшей мгле.

Сколько будет еще каждую ночь
Биться крыльями о стекло мотылек,
И когда, наконец, он пробьет леденящий ожог,
И сольются крылья с огнем!

Сколько будет рука ограждаться преградой,
Сколько стекол еще зазвенит где-то рядом,
Пока ты, как тот мотылек,
Не сорвешь, как сукно, эту преграду.

Но пока отпечаток ладони
Говорит о том,
Что еще не тепло
И поэтому плачет стекло…

***

Город, город, будь другом,
Постой у моего окна,
Ведь я с некоторых пор
Стала очень больна.

Подежурь у моей кровати,
Позови моих друзей,
Если, конечно, есть такие,
И скажи, чтоб пришли скорей.

Чтоб от телефона пухла голова,
Чтоб не забывали, что я еще жива.

***

Убить мой сон выстрелом звонка,
И судорожно искать его причину,
Чтобы в ответ услышать три гудка…

И снова лечь, закрыть глаза на жизнь
И ждать прикосновенья смерти.
Лежать и ждать, чтоб снова три гудка…

***

Меня обманул сентябрь:
Был прогноз на тепло сердец,
А полил холодный дождь,
И оказалось лету – конец.

Я кричала ему: «Постой!
Еще не прошел мой сезон,
Еще сердце не готово к зиме,
Еще хочется тепла во сне!»

Засмеялся разбитый фонарь,
Опрокинулся к пьяной березе.
Его коснулся ее губ пожар,
И остались на осень слезы.

Я люблю тихий сентябрь,
Когда утром ничто не тревожит,
Только музыка-шорох метел,
Только лист улыбку приложит.

Все прекрасно вокруг, хорошо,
А в сердце буря бушует,
Льют дожди и идет гроза –
И сердце и взгляд бунтуют.
Не оправдался твой прогноз,
Равнодушное голубое небо,-
Неожиданно начался дождь,
Затрусились деревьев колена.

Меня обманул сентябрь:
Был прогноз на тепло сердец,
Но пришел холодный дождь,
И сказало сердце: «Конец!»…

***

Каштановый град грядет по твою душу,
Он прибивает холод к земле и убивает лета удушье.
Это музыка осенних городов,
Это барабанный бой вперемешку с шумом дождя и ветра.
Эту музыку надо слушать с благоговеньем желтой опалой листвы,
Запахом умирающего солнца.
А ты?
Тебе все нипочем и ты идешь под каштановым ливнем.
Смелая…
Разве ты не знаешь – каштановый град грядет по твою душу.

Вино из одуванчиков

Сегодня ночью мне приснился светлый сон,
Что на земле начало лета,

И май так в синеву влюблен,
Что хочет всем кричать об этом.

И я приглашена на пир венчанья,
Я за столом сижу, где сладостей весьма,
Но пью вино, напиток для отчаяных,
Из солнечных цветков оно.

Я пью вино из одуванчиков, мне очень горько,
А рядом весело и до безумья ярко.
Всем сладко, очень сладко жить.
А я, хоть вкус и горек,
Но пью из одуванчиков вино.
Мне весело, хотя в глазах темно,
И на глазах слезинок горечь.

Но вот, лица коснулся светлый луч –
И я проснулась,
Но в памяти остался вкус,
Напитка горечь.

Хоть незатейливы они порой,
Они, такие светлые, как солнца море,
Но оказалось, что в стебельке живом
Такое сладкое есть горе.

Ранняя осень

Сегодня осень началась немного рано,
Еще июль, а падает листва.
И в сердце у меня остались лишь рубцы от раны,
А в общем все хорошо, как никогда.

Нашла письмо, что так давно искало адресата.
Оно молчит, ему уж все равно.

И жаль его терять – гербарием воткну его куда-то,
Найду лет через сто.

И может быть, когда опять мне будет грустно,
Пойдет вдруг дождь и пожелтеет вдруг листва,
Скажу себе: сегодня, видно, - осень,
Еще июль, а падает листва…

***

Влюбится в яблоневый цвет –
Белее снега в мире нет,
Искать причину –
Шелест трав завьюжит теплый снег.

Увидеть очи, что за очи!
Чернее ночи, белее ночи!
Но посмотри – жужжат шмели,
А издали глаза твои.

Ты ветерок, что гонит цвет,
Запахший яблоневый свет.

Когда поспеют урожаи,
И ветви будет гнуть к земле,
Ты первый яблоко протянешь
И дашь попробовать и мне.

Ну а пока ты только цвет,
Прозрачный яблоневый свет.
Гудят шмели и пахнет летом,
И травы помнят теплоту следов…

***

Нечаянная боль, слова острее бритвы –
В ответ укор немой и сердце поле битвы…

Но не о том, что вновь рассвет восходит,
И на краю земли ночь жить уже не может…

И снова под ногами пустота,
И страх в глазах, они с орбит вылазят.
И снова пустота, и небо синее запачкано все в грязи…
Но это ни к чему лесной росе искристой
И ясному деньку, что так смеется чисто.

А эхом воет в коридорах тишина…
Невыпитым вином – непонятый порыв…
Но разве можно говорить, когда пришла весна?
И разве можно выпить до дна весь этот мир?

Нечаянная боль… ночь жить уже не может…
Невыпитым вином – непонятый порыв…
И кто понять меня тебе поможет ?
И разве можно выпить до дна весь этот мир?

<u>Плакать весне в захлеб</u>

Плакать весне в захлеб
От солнца, что глаза слепит,
И хвататься за ноги лета,
Которое вот-вот и в небо улетит.

Из-под крыла вдруг выпадет подсолнух,
Обнимет утро ласково лопух,
И солнышко-яйцо - большой светильник –
Ей выкатить на чистый луг.

Но лето обломает крылья об осколки,- жестоко так,-
Стекло которых вставит хмурый день.
И с неба упадет, и истекая кровью,
Зальет всю землю, неба дзень-зелень.

И будет плакать клен, немой свидетель горя.
Рыдать старухе осени от боли.
И будет кутать скромно ей лицо
В холодный мех больное деревцо.

И будет осень забываться в горе,
В туманах пряча тусклое лицо,
И от печали, смертной лютой скуки
Сгорит свечой, опустит тихо руки
И отлетит с листвой…

Сошьет ей саван белый небо,
Немой гробовщик скорбящий.
Сойдет процессия с дней недели,
И как-нибудь во второй понедельник недели

В присутствии луны и чахоточного клена,
Чтоб больше никто не увидел горя,
Мягко и плавно, зябко и гибко
Опустит саван, чтоб стало зыбко.

Вечер – Пахарь Уставший

Вечер – Пахарь Уставший
С очень большими руками цвета заката.
Он сидит на завалинке возле хаты,
Свесивши свои ручища.

С лезвия ножа, как мед стекает время
И исчезает в траве, как в глубине миров.
С лезвия ножа, которым он отмеряет время
И открывает двери для миров,
Чтобы, когда на смену придет ночь,
Уже все было готово к трапезе.

И солнца вселенных как булки и здоба,
А звезды как чаши с вином.
Чтобы, глядя на все это,
Можно было видеть руку Бога,
Который занялся созданьем,
Как праздничным столом.

Вечер – Пахарь Уставший
С очень большими руками,
Которые стали еще больше,
Когда тепло своих рук он отдал реке.
И река стала парным молоком,
А над ней открыты окна миров -
Все готово к трапезе… Ночь…

***

Давай покрасим настроенье в белый,
Давай приветствовать дома в белесой шапке крыш.
Пожмем деревьям лапки – в ответ лавина снегопада.
Давай покрасим небо в белый цвет.

Покрасим в белый – значит спишем все долги,
Простим подножки и царапины обид,
Посмотрим проще впереди себя,
Напишем жизнь мы с белого листа.

Тогда с рассветом сквозь квадрат окна
Улыбкой мягкой нас встретит белый мир.

Осенняя болезнь

Мы все когда-то заболеем этим -
Осенний лист прожилкой бьется на руках земли;
Сердечной боли и тоски на сердце нет,
Есть только эти дни.

Мы все когда-то заболеем небом,-
Оно вливается в окон глаза.
Ты растворяешь в нем себя и беды,
Слова, которые не сможешь никогда сказать.

И ты уйдешь в березовую рощу навсегда,
Я тоже тишиною заболею,
И настежь распахнув окно в небесно-голубое,
Присыплю позолотой тишину в глазах.

***

Написать строку, перечеркнуть,
Как маета от переполненности смыслом жизни.
Не знать, что сначала хотел сказать,
Что затем.
Зачем?
Боязнь, что новое не так уж свежо,
Дрожь от потери своего себя
Прижимает тебя к почве.
Маета от переполненности смыслом жизни…
Чушь!
Всего- на всего тебе нужно одно:
Найти того, кто сидит в твоем воробьином,
И, наконец-то, покой как у всех.
Последнюю строку перечеркнуть.

Дневник

Пиши дневник – опишешь много разностей:
О том как падает листва и чувства отлетели,
Что птицы на восток куда-то улетели,
Погода жуткая – плюс, а может минус два.

Но иногда, быть может, все-таки получится,
Впиши две строчки о себе.
О том, что хочется и можется, о всяких случаях и горестях.
Чтоб твоя память девичья не затеряла их на полках бытия.

Куда вложить дневник и где его припрятать?
Не спрашивай, подумай лишь сама –
Где может быть надежней и вернее,
Как спрятать все внутри себя.

А иногда, когда почувствуешь доверие,
Открой страничку дневника, и пусть читает он,
Что птицы на восток куда-то улетели,
Погода жуткая – плюс, а может минус два.

***

А осень начинается с кварталов, где тишина.
А осень незаметно наплывает, как седина.
И радость от того, что все грустнее с каждым днем
И небо в синей акварели наполовину в золотом.

И было радостно мне от того ли, что я одна,
Иль от того, что ты, наверно, бредишь мною в снах,
А я не знаю…

***

Нет, ты не верь, что умерли все весны,
Нет, ты не верь, что будут холода.
Держи повыше лик, прямее поступь –
Все будет хорошо, как никогда.

Не верь, что умерла твоя сердечная отрада,
И вдовьего чуждаются наряда.
Держи повыше лик, прямее поступь -
Все будет хорошо, как никогда.

Держи повыше лик, прямее поступь –
Все будет хорошо, как никогда.
Пусть иногда из глаз польются слезы –
Пускай завидуют, они не смогут так.

***

Счастье мое горькое медом каплет с уст.
Заблудилось в травах, где витает грусть.
Что же ты там делаешь, мое сердце рвешь?
Я тебя заждалась, а ты не идешь!

Заблудилось ты, глупое, среди тьмяных трав
И забыло голос, что зовет тебя.
Выйду на дорогу, буду кликать-ждать:
Хватит, счастье сладкое, среди трав гулять.

(из «Подражание народному»)

***

Вересковое счастье очень красиво и мило.
Вересковое счастье ты себе вскормила.
Кормила любовь ожиданьями,
И вырос красивый цветок.
Сорви его и поставь букетом .
Засохнет – будет красиво,
И будет долгая память,
Как счастье себе вскормила
Любовью из ожиданий.

(из «Подражание народному»)

***

Красивое слово «вереск» мне подарили руки;
Из пригоршней душистых рассыпались чувства.

Чтоб их найти, наверно, ходить надо очень много,
И босыми ногами толкать закаты и росы.

И полы белого платья мокры от воды и слез,
И спутавшиеся волосы тоньше тонких берез.

Твой путь далек и короток, с весны до бабьего лета,
Пока клен не подожжет дороги, обжигая пятки следа.

(из «Подражание народному»)

***

Где ты ходишь, мой маленький миленький, где твоя опускалась нога?
И не холодно ль спать тебе, маленький, где растет одна крапива?
Как иголку, я в стоге космическом не могу отыскать, как звезду
Счастье мое фантастическое. Но я все-таки верю – найду.
Где ты ходишь, мой маленький миленький, как не зябнет нога на снегу?
И не холодно ль спать тебе, маленький, когда мерзнет слеза на ветру?

(из «Подражание народному»)

***

Простые, без прикрас, в земле, в дорожной пыли
Такие мы порой ценнее жемчугов;
И красивее мы без масок и оваций,
Ценнее мы без рамы золотой.

Так легче дышится, и проще отношенья.
Заумность фраз заменим простотой движенья.
Так просто – снять с себя условность, лечь на землю
И бредить среди трав о голубых морях.

***

Сожгу листы, сожгу цветы, сожгу мои стихи,
Развею по ветру в ночи, по травам по степи.
Босая, буду не боясь, играть с чертополохом.
Летите вы, мои стихи, вы больше не нужны!

Играет на свирели пень, и листья медом дышат.
Луна открыла свою тень, и травы песнь калышат.
И вы, стихи, как эта сказка, придуманы давно,
Проснулись. Нежной чуткой лаской взыграли, как вином.

Придумала, придумала весь этот мир не я.
Свой тайный мир задумала и в сказках родила.
Тебя, тебя придумала, с тобою речь вела…

И смыл тебя нечаянно ночной прохладный дождь,
И ты уже отчаянье – ты больше не придешь!
Сожгу, сожгу волнения, надежды и стихи…
…И мир как наваждение, когда со мной не ты.

***

Обдуманно, размеренно, легко
Живется та, где убрано и чисто.
Но убери иллюзии и сны,
Прибавь к потоку жизни ты горчицы,
И захмелеет голова, и сердце перестанет биться.
И спрячется в траве луна, и мед уже не каплет с уст,
И взгляд померк, и небо опустело…
Но посмотри – вон, бьется огонек
И в нем все дело

***

Когда отчаянье придет в твой дом незваным гостем,
Прижмет к груди и стянет рот, сдавит горло
И зарежет сердце-птицу,
Тогда смелей, не бойся и смелей!
Рви сети боль, не бойся захлебнуться –
Так опыт говорит: смерть не придет –
Она тебя боится, слышишь ты, боится!

***

Ругань, окрики, смех, ожидание –
Ведут очередную Жанну -
Облизываются в предвкушении.
Помост, приговор, отречение.
Шест, много хвороста – много усердия.

А над городом неслышно парят голуби
И в закоулках Кривой улицы, где дома боятся натолкнуться
Друг на дружку и разбить соседу лоб,
Уже видели подол апреля.
…А в соседнем доме – первый окрик детский…

Ругань, окрики, смех ожидание –
Ведут очередную Жанну…

(из серии «Средневековое настроение)

***

Когда тебя вели через соседский двор,
И с улицы соседней все шептались,
Ты думала: «не может это быть со мной!»

Когда глядел холодный мертвый глаз,
Когда вокруг ужасный сплетен газ,
Ты думала: « Не может это быть со мной!»

Аутодафе – адской возмездье.
Крик в мрака пустоту, в ответ – царапанье пера.
Тогда ты думала: «Не может это статься!»

Но вот – пьянящий запах воздуха, и голубиный клекот
Не слышно из-за чьих-то сапогов.
А вот и улицы знакомые полотнища,
Но ты не их, тебя не узнает никто.

Ах, все равно уж приговор дочитан,
Ведут куда-то, впереди солома и сушняк
И тут все как во сне, ужасно нарочито…
А что ж ты думала тогда?

(из серии «Средневековое настроение)

***

Винный запах, запах пота и майской прохлады,
храп коней, гвозди звезд, человеческий голос
Это было когда-то, в незапамятном веке, когда дамы играли на лютнях,
мир был не круглым, а плоским.
Хрупкие тени шершавили стены лабиринтов замка из черного хрусталя.
Там ночь разливает горячий душистый грог в дубовые чарки.
Пространство из камня и дуба – круг стола - подобие луны,
За ним двенадцать теней, нет – одиннадцать. Стул опрокинут,
Вино сливается с камнем, дверь – наотмашь, в след – холодный ветер.
В ответ смеется черноокая тишина – залепила ладонями и прядями окна и двери –
Игра в прятки.
Лицо незнакомца уже обвивает блудный подол ночи.
Запрыгали тени – зализывают преданными собаками раны стен,
И казалось, слижут этот замок по кирпичикам – слюной стечет .
Не вернется двенадцатый…
Куда он ушел?
Пить росу с вересковых полей или сражаться с драконами?
А тени все будут раскачиваться в такт лютне и кидать кости псам,
Будут вдыхать винный чад до рассвета.
А когда станет видно краешек замковой горы, и туман привяжет ароматы вереска,
Видно станет призрак великана, уснувшего на века от густого тягучего грога.
Он укрылся вересковыми полями, обвязал тонкие пальцы лютиковыми лентами.
Он растаял в эпохах, как эта старая сказка, чад, идущий из винных подвалов замка,
Давно затерявшегося в вересковом тумане.

(из серии «Средневековое настроение)

С войны

Я вернулась с войны, где от страха глаза велики,
Где друг другу – враги, и по сердцу, под дых – сапоги.

Я привыкла к войне, как врастают деревья в асфальт;
Тишина в глубине, контуженое счастье в глазах.

И ожоги войны поднимают стучаться не в такт
Среди ночи. И накатит совесть по сто, чтобы молчать.

Среди прочих и прочих, хороших, не очень я иду рядом не в такт.
Ударяюсь плечами, прикасаюсь руками, сапожища стучат.

Меж сутулых лопаток котомка торчит –
Я вернулась с войны, и от совести сердце кричит.

Осенний сонет
Пронзительная нота си
У лязга проезжавшего трамвая.
И как осенний лист к невидимой оси,
Я льну к тем улицам, где счастлива бывала.

О, желтый ангел, - неба синь в глазах,
Твой ностальгический сонет о рае.
Светла печаль.
На птичьих коготках всегда земля родная.

Лиловым взглядом фонаря
Тень города меня проводит мглисто.
Иду по памяти исписанной листа –
Хочу себя переписать начисто.

На чистый лист переписать себя
И раздавать автографы деревьям.

И будет осень с каждого листа
Махать прощально птичьим пеньем.

О, желтый ангел, - неба синь в глазах,
Твой ностальгический сонет о рае.
Светла печаль.
На птичьих коготках всегда земля родная.

***

Растревожилось сердце –
Ветра и дожди не давали лету покоя,
И курлыкали птицы:
Жди осени, жди –
Я не знаю, зачем мне такое.

Я не знаю, зачем мне эта желтая грусть,
Красный бисер на ветках, в памяти – тихая грусть.
Я не знаю, зачем простудой болея,
Я все снова и снова о лете жалею.

Успокоилось сердце –
Печали ушли.
Скоро белыми станут дороги.
Нанизали печали на нити дожди,
Тишиною заносит пороги.

Я не знала тогда, что люблю эту грусть,
Красный бисер на ветках, снят прожитый груз.
И я знаю теперь – небо большое.
Я умею мечтать,
Осень, я знаю, что это такое!

***

Не сомневаюсь в гениальности апреля
Жасмин закладкой в нотах у него.
Стекают пятерней дожди несмело -
Смывают от зимы немытое окно.

Я сомневаюсь в погрешимости апреля
Зеленый липкий лист и первая трава,
Как первая надежда останется несмелой
Еще сквозит во взгляде чистота.

Не удивляйтесь чистоте апреля –
Он прорастет в душе, останется в глазах…

Твои тихие улицы

Я ворвалась парадом на твои тихие улицы.
Они просили пощады, они от одиночества ссутулились.
И марш играли бравые сержанты -
Мои войска не знают пощады, когда на сердце так жарко!

Я беззаботным ребенком ворвалась и распахнула двери,
И настежь влетела моя душа под возглас свирели.
Свои игрушки я вынимала из кармана платья.
Если ребенок любит, он отдает все в твои объятья.

А теперь... Раскиданы игрушки по закоулкам многих улиц,
Смолкла музыка за поворотом, ладонью ночи окна прикрылись.
Я выросла, я стала выше - дерево на твоей улице.
Вростаю... Горячим листом снисхожу...
...к твоим ногам.

***

Сухой горбушкой - город под холодом,
И хочет зима его съесть.
И щедро солит снегом от голода,
Смокчет сухой мякишь крышь.

Фрески

По влажной штукатурке декабря
Стекают моей жизни акварели,
Рисуют кисти взгляды и слова.
Узором я вплетусь в рисунок фрески.

На ципочки становиться печаль
И чертит пальчиком черты-мгновенья.
А я лечу над небом в неба даль.
Я нежность начерчю и с умиленьем

Рябиновым накапаю на снег,
Прольюсь калиновым в кустах и листьях.
Я - фреска, жизнь моя - чертеж,
Эскиз на влажной стенке.

Девочка со спичками

Я жду решения. А приговор подписан?
Иль снова вьюгам разрывать на части мир?
И серым тросам выть на небе не от счастья.
И птицей умирать, чертя по воздуху «Прости!»

Я жду тебя. Стою на том ли месте?
Ладони тру от холода, а может быть молюсь.
Ветрам и дела нет, они на то и посланы,
Чтоб не забыть, что счастья в мире нет.

Я девочка со спичками, я вижу в искрах ангелов.
Смотрю упорно в зимний лабиринт дорог.
Я жду, когда колючая звезда от холода
Все же снизойдет.

И Андерсен был прав, мечта - смертельна?
Замерзнет девочка? Во мгле холодная звезда?
Но почему я все же в искрах вижу ангелов?
От вьюги прикрывает сердце моя теплая рука.

Ситец

И я ли беспокоюсь о заре, о красном нежном ситце?
Не ты ли разбазарил по весне все жемчуга любви, коралы и намыста?
Как печенюгой малой по заре, слетаются любви подранки.
Уставший бредит сон по мглистой тишине, росою утро каплет.

Я поступью несмело наступлю на колокольчиковый звон и вздрогну.
И, крадучись, к окошку подступлю и, нежно морщясь,
Хочу лучом зари облабызать твою улыбку детскую. И в шорох превратясь,
Я муравой защекочу свой ситец нежный.

В рядах

А ты из ряда многих где-то в середине,
Средь множества ничем не отличим.
И погибают тонкой струйкой чувства,
И стал безчувственным весь этот мир.

Отрядами, солдатами, рядами
Шагают дни, идут мечты и надвигаются дома.
Я обранила эти чувства как копейку, не жалея,
Среди камней блестит она одна.

Она из ряда многих и безликих и одинаковы.
Сомкнулсяплотно ряд, и выбыла мечта.

Погиб солдат из ряда многих где-то в середине,
И вытекают тонкой струйкой чувства навсегда.

Трагика

Так умирает проза и сума сведут поэта,
Когда ничтожность рифм и фраз - в топку печи без ответа.

Безответная грусть и тупой приговор.
Равнодушная быль, словно невидаль.

И бессмысленность жизни и бесчувственность творчества....
Превращается монотонность в хроники.

Десятой спицей в скрипучем возу истории
Все эти прозы поэзии и поэтические прозы.

Так сживаются лирики и коченеют прозаики
От незарифмованной были и равнодушной трагики.